

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. Понятие гуманитарной картины мира.....7

Понятие картины мира. Особенности интеграции знаний в картинах мира. Понятие гуманитарной КМ, возможность и актуальность её выделения. Человек в мире и мир человека как содержание гуманитарной картины мира. Аксиологическое ядро гуманитарных КМ. Гуманизм как исторически изменяющаяся система взглядов, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и реализацию своих способностей. Гуманизм, гуманизация и гуманитаризация.

Раздел I. ГУМАНИТАРНАЯ КАРТИНА МИРА

В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ.....13

Глава 1. Гуманистическое содержание античной культуры13

Происхождение понятия «гуманизм». Humanitas vs immanitas. Переход от варварства к цивилизации как предпосылка, составляющая и следствие гуманизма. Возникновение морали как первый шаг в гуманистическом процессе. Возникновение семьи, государства и права. Гуманизм как ведущая линия античной философии. Философское отношение к жизни и смерти как практика гуманизма. Особенности и место этики в гуманитарной картине мира античности. Античная «пайдейя» как воспитание гуманизма. Гуманизм античной мифологии и искусства.

Глава 2. Гуманитарная картина мира в культурах

Древнего Востока20

Философские учения Китая — даосизм и конфуцианство как теория и практика гуманизма. Требование природообразности человеческих действий, соответствия дао и дэ. Гуманизм индийской культуры. Философское содержание «Вед». Нравственная практика буддизма. Этика ненасилия и её современные выражения. Благоговение перед природой в японской культурной традиции. Стремление и умение учиться. Общечеловеческие ценности в культуре ислама. Влияние ислама на средневековую Европу. Исламский фундаментализм и современный мир.

Глава 3. Человек в средневековой картине мира.....33

Противоречивый характер адаптации античности к христианству. Трансформация гуманизма в любовь к Богу. Общечеловеческое начало в религиозных заповедях. Борьба добра и зла в средневековой КМ. Ответственный выбор как право и как испытание. Проблема теодицеи и гуманизм. Концепция «двух истин» как компромисс между наукой и религией.

Глава 4. Гуманизм как определяющая характеристика

эпохи Возрождения38

Возрождение и развитие гуманизма как выражение социокультурных перемен, «вынуждающих искать равновесия между средневековой верой в Бога и ренессансной верой в человека». Выдвижение нового типа личности, активной, инициативной, ответственной. Реабилитация красоты, природы и человека.

«Речь в защиту достоинства человека». Особая роль художника — творца нереализованных природой форм. Гуманистическая педагогика. Значение науки. Бессмертие как причастность высшим человеческим деяниям — в науке, философии, искусстве. Гуманистическое значение Коперниканской революции, «не унижающей гордость человека, а возвышающей её». Гуманизм и Реформация. Возникновение утопических концепций. Гуманистическое содержание искусства.

Глава 5. Просвещение как гуманизм.....45

От «Знание — сила» ко «Всем знать всё обо всём». Успехи механико-математического естествознания как основа социального оптимизма Просвещения. Природа как наставник, «воспитатель воспитателей». «Республика учёных» и академии наук. Великая французская энциклопедия и Французская революция. Этика Канта. Категорический императив. «Человек не как средство, а как цель». Идея вечного мира. Концепции образования, ориентированные на «самопознание, саморефлексию личности в актах самосознания культуры» (Гегель, Гердер, Гумбольдт). Особенности просвещённого абсолютизма в России.

Глава 6. XIX век как «смерть Бога»57

Утопический социализм XIX в., идея всеобщего равенства людей. «Гуманистический материализм» философии Фейербаха. Переход от «созерцательности» Фейербаха к всестороннему анализу социокультурных условий гуманизма у Маркса. Развитие общества как естественноисторический процесс. Понятия предыстории и подлинной истории человечества. Идеи человека как «высшей цели», «свободы-от» и «свободы-для». Творчество как естественная потребность. Выявление причин отчуждения человека от результатов его созидательной деятельности и порождения «нечеловеческих, порабощающих потребностей». «Всемирная история как прогресс в сознании свободы». Кризис гуманизма во второй половине XIX в. «Смерть бога». Моральный протест против механистической картины мира. «Философия жизни». Концепция «двух культур». Концепции культурно-исторических типов: от Данилевского к Шпенглеру. «Цивилизация как мумия культуры».

Глава 7. Гуманитарная картина мира в XX веке.....71

XX век как век войн и революций. Революция в России и мировые войны как тяжёлое испытание гуманистических идеалов. Кризис в экономике, политике, науке и искусстве как звенья единой цепи. Революция в естествознании и её уроки. Россия как арена наиболее кровавых событий начала XX в. «Русский космизм» и несостоявшееся «восстание против непроправимого». Кризис искусства как выражение общего кризиса культуры. «Диагноз духовного недуга эпохи» в трудах Й. Хёйзинги, З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма. Проблема отчуждённости, заброшенности человека в философии экзистенциализма. «Теология после Освенцима». Причины роста религиозных настроений. Этика благоговения перед жизнью. Постмодернизм как диагноз. «Смерть автора» и смерть человека. «Шизоанализ» и «Игра в бисер». «Холодная война» и крушение социалистической системы. От «холодной войны» к «холодному миру». Концепции «конца истории» и «столкновения цивилизаций». Глобализация и глокализация.

Раздел II. ГУМАНИТАРНАЯ КАРТИНА МИРА ХХI ВЕКА99

**Гуманизм: опасная иллюзия, отчаянная вера или веление
времени?.....99**

Глава 8. Человек и природа в современной картине мира.....101

Отношение к природе как пробный камень цивилизации, основа научных и философских систем, социальных и политических программ. «Иметь» или «быть» в отношениях с природой. Социокультурные основания идеологии господства над природой и их выражение в стереотипах образования. Концепция «пределов роста». Неизбежность возвращения человека в научную картину мира. Место человека во Вселенной в свете антропного принципа и его модификаций. Самоорганизация и «естественный отбор» в сценариях космической эволюции. Гуманистическая миссия человека, порученная самой природой — «быть авангардом творческой эволюции». Планета Земля как саморегулирующаяся и самоорганизующаяся система в концепции «Геи-Земли». Связь циклов жизни на Земле с «биением пульса Вселенной» в трудах А. Чижевского. Синергетические сценарии этногенетической эволюции. Исчерпанность и опасность стереотипов «силового мышления» в отношениях с природой. Предотвращение «режимов с обострением» в природе и обществе. «Две опасности, наиболее угрожающие миру — беспорядок и порядок». Готовность присматриваться и прислушиваться к Природе как веление времени.

Глава 9. Человек в мире ХХI века.....120

Содержание и назначение концепта «хорошее общество». Критерии «хорошего общества». Перфекционизм и велферизм как концепции «хорошего общества». Концепции государства благоденствия, либерализма, справедливости как честности, утилитаристские концепции. Кризис 2008 года как испытание этих концепций. Обострение проблем национальной и религиозной идентичности. Новые особенности проблем толерантности и политкорректности. Сохранение политики двойных стандартов в условиях глобализации и глокализации. Приложение к политике теории игр. Особенности проблем современной России и других посткоммунистических государств. Опасность «аномии» как результата крушения устоявшейся системы ценностей. Современные формы варварства, их происхождение и проявления. Отсутствие современной национальной идеи. «Смертные грехи» современного человечества, их происхождение и возможные пути преодоления. Судьбоносное значение культуры. Культура как «мягкая сила». «Великое братство людей» в разобщённом мире. Значение «народной дипломатии».

Глава 10. Мир человека в ХХI веке153

Проблема отчуждения в современном мире. Смещение общения «коммуникацией», индивидов «дивидами». Возникновение нетократии, когнитариата и консьюмериата. Неспособность испытывать уважение и нежелание задавать себе вопросы как опаснейшие болезни современной цивилизации. Экономическая обеспеченность как предпосылка, но недостаточное условие благосостояния. Потребность в самореализации и

самоактуализации. Условия и возможности творческого отношения к труду и досугу. Составляющие здорового образа жизни. Значение семьи как гуманитарной ячейки общества. Отношение к старикам и детям как гуманистический критерий семьи и общества. Социальная справедливость — не всем поровну, а равные возможности для всех. Проблемы «свободы-от» и «свободы-для», «бегство от свободы» в современных условиях. Стремление и умение быть личностью. Индивидуальность и индивидуализм. Любовь к себе и эгоизм. Взаимообусловленность уважения и любви к себе и к окружающим. Интеллигентность и гуманизм. Авторитарная и гуманистическая этика, авторитарная и свободная совесть. Свобода как внутренняя независимость. Способность оставаться собой при уважении к другим, способность критически относиться к «неподвижным истинам». Вера и убеждения, необходимость внутреннего стержня, «Бога в душе». Вера в себя и ответственность за свои поступки. Любовь к жизни и творчество.

Глава 11. Образование в век преобразований 175

Понятие эффективности образования. Модели «общества, основанного на знаниях». Недостаточность технологических моделей и инструкций. Моральная и практическая ценность «бесполезного». Художественная литература как учебник жизни. Последствия «товаризации» образования и регламентированного набора его «услуг», отказа от культурообразующих и менталеобразующих функций образования, воспитания интеллигента. Учитель и ученик как равноправные субъекты образовательного процесса. Сила авторитета, а не авторитет силы. Смысл и содержание образования всю жизнь. Задача воспитания современной интеллигенции. Место и перспективы философии в современном мире. Роль учебников в современном образовании — путеводители, а не справочники. Учебник по истории как задача государственного значения. История как наука не только о прошлом, но и будущем. Исчерпанность «банко-депозитной» модели образования. Концепция «образования для себя».

Заключение 198

Рекомендуемая литература 199

ВВЕДЕНИЕ

Понятие гуманитарной картины мира

Понятие *картины мира* вошло в широкое употребление в Новое время, эпоху бурного развития механико-математического естествознания, которое задавало эталоны не только науке, но даже обыденному мышлению. По строгим геометрическим формам строились парки, в споре говорили не «посмотрим», а «посчитаем», писались трактаты «Человек-машина», Вселенная уподоблялась тщательно выверенному часовому механизму, а Бог представлялся как «Великий часовщик Вселенной».

Вместе с тем своеобразные картины мира складывались уже в глубокой древности, до науки и вне науки. С полным основанием можно говорить о мифологической, религиозной, позже художественной картинах мира. Конечно, само понятие картины мира возникло уже на том этапе социокультурной истории, когда человек начал осознавать не только включенность в мир, но и задумываться над своим местом в нём, отношении к нему.

Что же такое — картина мира? Смысл этого понятия, которое может применяться к самым различным областям знания, не в том, что картина мира вбирает в себя всю совокупность знаний, накопленных в данной области (это и невозможно, и бессмысленно). Содержание картин мира составляют наиболее важные, ключевые, концептуальные представления, причем собранные не в разрозненном, рядоположенном виде (как, скажем, в энциклопедиях), а как целостный образ мира или соответствующего его разреза, выделенного с точки зрения, скажем, физики, химии, биологии, экономики и т. д. Понятно, что все изучаемые наукой области на самом деле тесно взаимосвязаны, и поэтому правомерно говорить и об *общенаучной картине мира*. Не менее продуктивно не столь распространённое пока понятие *общекультурной картины мира* как целостного образа совокупности научных, философских, религиозных, художественных, нравственных представлений, сформировавшихся в данную эпоху и, добавим, в данной социокультурной среде. Понятно,

что наиболее конкретны, детализированы частнонаучные картины мира, сложившиеся в отдельных науках (хотя и здесь могут иметь место различия, исторически сложившиеся в различных культурах, например, говорят о континентальной и островной, британской, картинах мира физики). Чем шире картина мира, тем она более размыта, тем большими различиями она может обладать не только в различные эпохи, но и в различных культурах в одном и том же мире.

Важно подчеркнуть, что ни одна картина мира, как правило, не бывает представлена в достаточно чёткой, фиксированной форме (хотя можно попытаться это сделать — в учебнике, диссертации). Такой необходимости не возникает у практикующих, действующих учёных по той причине, что подобные картины складываются в той или иной, наиболее естественной для них форме, у них в головах, играя весьма важную роль — любые изыскания привязываются к существующей картине мира, заставляя корректировать свои результаты — или картину мира. Людям же, только вступающим в науку, особенно необходимо не только знать конкретные научные результаты, но и осмысливать складывающиеся на их основе картины мира.

Как бы ни отмежёвывались учёные от вененаучных представлений (философских, религиозных, художественных — был даже в 60-х годах XX века знаменитый спор физиков и лириков), те неизбежно накладывают отпечаток на их исследования и даже направляют их. Можно ли представить научную картину мира не только Средних веков, но даже эпохи триумfalного развития механико-математического естествознания, свободную от религиозных представлений? Напротив, они в значительной степени участвовали в её формировании.

То, что механико-математическая картина мира задала эталоны научности на два-три века, имело и свою оборотную сторону. Дело в том, что в картине тщательно вычисленных движений планет, атомов и молекул не нашлось — и не могло найтись место человеку даже как биологическому существу, а тем более социальному, не говоря уже о человеке как личности, с тонкими душевными стремлениями и порывами, чаяниями, радостями и

разочарованиями. Всё это было оставлено художественной литературе и гуманитарным наукам (которые и полноценными науками не считались как «не опирающиеся на математику» — тогда, и даже раздражали — тем, что обозначали пределы возможностей механистической картины мира).

Безчеловечная (т. е. без человека) картина мира неизбежно оказалась и бесчеловечной, о чём имеет смысл особенно задуматься сейчас, когда человечество находится в состоянии остройшего кризиса — экономического, политического, духовного.

В бесконечных рассуждениях о кризисе подразумевается, что это кризис экономический, который, конечно же, влияет на настроения людей, их уверенность в завтрашнем дне и т. д. Модными стали ожидания и даже вычисления конца света, кто-то на этом зарабатывает немалые деньги, и мало кто прислушивается к философам и культурологам, которые ещё задолго до пресловутого экономического кризиса заметили, что кризис этот — прежде всего «в головах людей», а своеобразный конец света начался уже давно, но происходит не одномоментно, в виде грома и молний, потопов и землетрясений, поражающих человечество (хотя и таких достаточно и становится всё больше), а в виде длительного процесса (подобно «снятию се- ми печатей» в Библии).

Мы живём в мире, раздираемом кровавыми столкновениями, террором, войнами — пусть и локальными, но в таком количестве, что их пятна на карте мира начинают составлять её преобладающую окраску. Признавая в числе главных причин экономического кризиса неумеренно раздуваемый потребительский менталитет, эксперты предлагают для выхода из него меры, стимулирующие дальнейший рост производства — порочный круг. Предрекая новую волну кризиса, напоминают, что выходом из двух крупнейших кризисов XX века оказались две мировые войны. Нет нужды обсуждать подобные «выходы», особенно в сегодняшнем мире, напичканном ядерным оружием. Нелишне напомнить о том, что за Второй мировой войной последовала ещё и длительная «холодная война», сопровождавшаяся изнурительной, на истощение, гонкой вооружений, и сменившаяся в лучшем случае «холодным миром».

Всё это говорит о том, насколько неладно в мире, где выдающиеся достижения науки и техники воплощаются в оружии массового поражения, где наряду с «золотым миллиардом» существует не менее миллиарда людей, живущих за чертой бедности, а миллионы детей погибают от голода, холода, болезней, подрываются на минах, оставленных на «ничьей» территории. Не всё ладно и в не так давно благополучных странах, где люди теряют свои сбережения и дома, где растут отчуждение между людьми, преступность и наркомания (в том числе компьютерная). Серьёзной угрозой стали резко обострившиеся культурные различия, религиозная нетерпимость, приводящие не только к многочисленным жертвам, но и воздвигающие непреодолимые барьеры между ранее мирно уживавшимися людьми, сеющие недоверие и ненависть.

Современный мир находится в тисках «бессилия верить» (Ф. Ницше), утраты духовных ориентиров (очень болезненной в постсоветской России) и «внушающего ужас оптимизма» (А. Камю). Если в XIX веке Ф. Ницше, мрачный пророк и «философ нeliцеприятных истин», возвестил «смерть Бога», место которого в душах людей занял «неуёмный дух наживы» (что бы он сказал сейчас!), то в XX веке Мишель Фуко, французский философ-постмодернист, диагностировал «смерть человека». Подлинный кризис человечества, делающий неизбежным и кризисы в экономике — это кризис человечности, кризис гуманизма.

Говоря об ограниченности картины мира классического естествознания, не оставляющей места человеку, следует заметить, что серьёзный вызов этой картине бросила уже в XIX веке «философия жизни», в XX веке — «экзистенциализм» и ряд других течений философии. В конце XIX века даже было провозглашено разделение на «две культуры» — сциентистскую (по образу и эталонам точных наук) и гуманитарную, в центре внимания которой находится человек. Гуманитарные науки отличаются от классического естествознания не только объектом, но и методологией, стремясь не к установлению единых, неизменных закономерностей, но как раз к выделению индивидуального,

неповторимого. Естественными для арсенала гуманитарных наук, а тем более гуманитарного знания в целом являются об разность, метафоричность.

Подобно тому, как естественные и технические науки и созданная на их основе картина мира определяли и направляли развитие индустриальной цивилизации, не меньшее, если не большее значение в осмыслении проблем и перспектив цивилизации сегодня приобретает *гуманитарная картина мира*, формируемая на основе всего комплекса гуманитарного знания. Чрезвычайно важно, что в последние десятилетия гуманитарные науки все больше пользуются арсеналом естественных наук и, прежде всего, математическими методами, что значительно повышает их достоверность и надежность. Одновременно с этим в синергетических сценариях природных явлений всё большее место приобретают вероятности, веер возможностей — подобно истории общества. Таким образом, велением времени становится естественно происходящее объединение естественнонаучной и гуманитарной картин мира в единой общекультурной КМ.

Актуальность формирования и исследования гуманитарной картины мира обусловлена не только остро стоящей проблемой человека в мире, но и тем, что её разработанность и изученность совершенно несравнимы с таковыми в отношении естественнонаучной картины мира. Вот почему для студентов-гуманитариев введён предмет «Современная гуманитарная картина мира», в центре которого стоят *человек в мире XXI века* и *мир человека XXI века*, проблема *гуманизма в широком смысле — как исторически изменяющейся системы взглядов, признающей уважение к человеку, ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и реализацию своих способностей*.

Приступая к изучению этого предмета, мы понимаем, что для его осмысления и усвоения следует изучить становление и изменения ГКМ в ходе социокультурной истории. С одной стороны, вся история выступает как непрерывная цепь войн, революций, насилия, но и — как непрерывная цепь культурной,

созидательной деятельности, без которой человечество давно бы прекратило своё существование. Уважение к культуре как таковой, стремление к ней как естественная потребность, уважение к иным культурам, стремление учиться у них — это задача образования, и не только гуманитарного.

И ещё одно замечание. Следует отдавать себе отчёт не только в сходстве, но и различии понятий *гуманизация* и *гуманитаризация* образования. Гуманитаризация — это насыщение образования гуманитарными предметами, которое само по себе ещё не обеспечивает его гуманизации, т. е. усвоения им идеалов и принципов гуманизма, о котором говорилось выше. Надеемся, что этому будет способствовать наше с вами обсуждение.

Раздел I. ГУМАНИТАРНАЯ КАРТИНА МИРА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

Глава 1. Гуманистическое содержание античной культуры

Первые контуры того, что веками позже получит название гуманитарной картины мира, обозначились в античности. В античности появилось и само понятие гуманизма (хотя в широкий обиход вошло уже у эпохи Возрождения, знаменуя новый поворот к человеку, его личности, ценности его творений).

Впервые понятие *humanitas* встречается у Цицерона (106–43 до н. э.), как и понятие *cultura*, органичным образом пересекаясь с ним. Как известно, в ренессансном осмыслиении античности термин *humanitas* приобрел смысл, близкий к греческой филантропии (любви к людям, человечности), сохраняя его и по сей день. Вместе с тем, современники Цицерона сближали это понятие с *образованием* в самом широком смысле — как образования человеческой сущности (что, естественно, включает образование в более позднем, узком смысле приобщения к знаниям, но не ограничивается этим)¹. «*Vir alla humanitae*», — говорит Цицерон о человеке образованном, а «науки (искусства), просвещение человека» — это «*humanitas artibus*». Цицерон постоянно противопоставляет *humanitas* и *immanitas* (дикость и бесчеловечность), *immanet* (дишую жизнь) и *perpolitat* *humanitatem* — жизнь, облагороженную влиянием *humanitas*. Римский мыслитель сравнивает поле и душу — как первое, так и второе без обработки, культивирования остаются бесплодными. Цицерон говорит об обработке души, которая искореняет пороки и готовит почву для благородных посевов (*praepetat animos ad satus accipiendis*). В трактате «О государстве» Цицерон проводит мысль, что «людьми являются только те, кто обработан науками, отличающими образованного человека». У Цицерона, по существу, прослеживается то важнейшее положение, что

¹ См. Батлук О. В. Цицерон и философия образования в Древнем Риме // Вопросы философии. 2000. № 2.

человек в равной мере есть и творец культуры, и ее творение — он становится человеком, лишь приобщаясь к культуре, сохраняя и по возможности приумножая, развивая ее.

В рассуждениях римского мыслителя и общественного деятеля прослеживается и другое важнейшее положение: в человеке следует с особой бережностью культивировать, возвращать то, что является его природной предрасположенностью, наиболее естественно для него (скажем, склонность к ремеслам, музыкальные способности и т. д.). Еще раньше, до появления понятия культуры, об этом писали греческие философы, в особенности Платон. Можно видеть, насколько актуально это и сегодня. Действительно, человек, подавляющий свою природу, насилиующий себя в угоду призрачным, искусственным, суетным, порабощающим целям, ломает свою душу, вредя при этом не только себе, но и всему обществу.

Если окинуть взглядом историю человечества, то можно видеть, что предпосылкой, составляющей и следствием гуманизма был переход от варварства к цивилизации. Жизнь вынуждала первобытного человека к созданию не только материальной культуры (орудий труда, оружия, одежды, жилищ), но и духовной, что выражалось и в формах организации жизни, её социализации. Люди не смогли бы выжить, если бы не объединялись для охоты, земледелия, скотоводства. В этом процессе неизбежной оказалась выработка определенных социальных регулятивов — предписаний и запретов, своеобразной первобытной морали. С разделением труда стал происходить переход от патриархата к патриархату, от стадного образа жизни к некоему прообразу семьи. С появлением же частной собственности, неизбежного следствия столь же неизбежного разделения труда, семья приобрела значение экономической ячейки общества, сохраняющееся по сей день. Появлялась потребность в структурах, предвосхищающих государство, с правовым закреплением их функций. Таким образом, в одном ряду оказываются «происхождение семьи, частной собственности и государства» (так называется один из наиболее известных трудов Ф. Энгельса).

Новые формы общественной жизни потребовали и закрепления трудовых и социальных навыков в образовании и воспитании. Если в первобытном обществе воспитание и образование происходили в самом процессе повседневной жизни, то со временем они приобретали всё более целенаправленный и организованный характер: школы являются признаком всех древнейших цивилизаций — от Египта и Месопотамии до Индии и Китая.

Особую роль образование и воспитание, органично взаимосвязанные, приобрели в Древней Греции. О человеке никаком, ни на что не годном, говорили «Он не умеет ни читать, ни плавать (физическое воспитание было неотъемлемым компонентом гармоничной личности). По законам Древней Греции дети, об образовании которых не позабочились родители, освобождались от заботы о них в старости.

Концепция формирования гармоничной личности — всесторонне образованной, совершенной физически, художественно, нравственно воплотилась в идеале *пайдеи*. Философ XX в., большой знаток античности М. Хайдеггер, объясняет смысл понятия пайдея (от греч. *пайдос* — ребёнок) следующим образом: «Взросление, становление себя, руководство к формированию и созданию своей сущности соответственно собственной природе». Идея природообразного образования была руководящей в пайдее. Подобное формирование сущности готовило на всю жизнь. Органично сочетающее образование и воспитание, пайдея далеко выходила за пределы простого обучения. Так, когда философа Ксенофона спросили, чему же он научил своих учеников, тот ответил: «Добровольно выполнять то, к чему других принуждает закон». Знаменательно, что XX Всемирный философский конгресс, состоявшийся на рубеже веков (в 1998 г.) в Бостоне, проходил под девизом «*Paideia: Philosophy Educating Humanity*» — «Пайдея: философия, воспитывающая человечество/человечность».

Воспитательное значение имело само *философское отношение к жизни*. Если попытаться охарактеризовать его в максимально ёмкой форме, то это — способность подняться над суетой и тщеславием, жаждой власти и богатства, не позволять

завистью и злобой отравлять жизнь себе и окружающим, любить жизнь, не поддаваться унынию, уважать достоинство своё и чужое, прислушиваясь к другим, оставаться собой. Философским было и отношение к смерти, которая представлялась как достойный венец достойно прожитой жизни.

Философы не просто разрабатывали и предлагали обществу те или иные учения, они сами жили согласно своим учениям, тем подавая пример другим. «Философ — тот благородный и непорочный человек, чей образ жизни и есть практика философии», — говорил Платон. Яркий воспитательный пример является жизнь и смерть Сократа. Предложив новое законодательство и обвинённый за это в «неуважении к богам», философ был приговорен к смерти. Отказавшись от побега, организованного учениками, Сократ невозмутимо выпил чашу с ядом: «Если я учу уважать закон, то и сам должен подавать пример в этом, даже если мои предложения были столь превратно истолкованы». Веками позже так же поступил Джордано布鲁но, отказавшись от предложения инквизиции сохранить ему жизнь за отречение от своих «нечестивых взглядов». А разве не так же поступил Иисус Христос, «смертию смерть поправ»?

Философ Фалес (625–547 до н. э.), один из «семи мудрецов древности», умевший предсказывать солнечные затмения, обосновавший происхождение земной жизни из воды и многое другое, в ответ на упрек «почему он такой бедный, если такой умный», решил доказать, что богатство не является для него самоцелью, хотя он мог бы добиться его своими знаниями. Предсказав на основе своих многолетних наблюдений невиданный урожай олив, Фалес заранее скупил или арендовал за бесценок все маслобойни в округе, а заработанные в период действительно небывалого урожая деньги отдал, так сказать, на культурные нужды.

Другой великий философ, Демокрит (460–370 до н. э.) отпустил на волю своих рабов, сочтя рабовладение недостойным для философа, а на деньги, унаследованные от отца, отправился в путешествие в страны Востока. Судимый за «растрату наследства» (за что полагалась смертная казнь), Демокрит в ответ на

ехидный вопрос, что же он привез из этих путешествий, ответил: «Знания», что обеспечило его оправдание. Даже жители его города Абдера, в свое время ославившегося знаменитым процессом о «тени осла», преклонились перед его знаниями.

Через тысячелетия дошел до нас ответ Диогена Синопского Александру Македонскому, который предложил философу: «Проси, что хочешь». «Отойди, не заслоняй мне солнце», — попросил тот. «Хотел бы я быть Диогеном... если бы не был Александром», — нашелся с ответом властелин, сам бывший когда-то учеником великого философа — Аристотеля.

Известен еще один почти анекдотический случай, связанный с Диогеном. Формально он был рабом. Советы, которые он давал хозяину, хотя и дальние, все более раздражали того, заставляя чувствовать превосходство раба. Решив избавиться от Диогена, хозяин привел его на невольничий рынок для продажи, и когда его изумленные посетители спрашивали Диогена, что же он здесь делает, тот отвечал: «Ищу себе нового хозяина». «Философ — фигура самодостаточная, он не боится гнева правителей, не стремится к почестям и богатству», — таков лейтмотив всей античной, да и последующей философии.

Уважение к человеку, убежденность в его возможностях нашли выражение даже в греческих мифах, где люди действуют бок о бок с богами (вполне демократичными и обладающими массой присущих человеку черт, в том числе отрицательных), а порой даже в состоянии их перехитрить и даже бросить им открытый вызов. Ради людей герой Прометей, доставивший им огонь, пошел на вечные муки, не боялся богов Геракл, фигура в какой-то степени реальная, считающаяся основателем ряда городов, в том числе Севильи.

Гимном человеку было искусство Древней Греции. Его персонажи сочетают в себе совершенство физическое и нравственное. Преклонение перед красотой выразилось в истории, которая покажется сегодня анекдотичной. Красавица Фрина, обвиненная судом и желая доказать свою невиновность, сбросила перед судьями свою одежду, и те единогласно согласились, что такая красавица, само совершенство, не могла совершить

преступления. Излюбленным сюжетом древнегреческих трагедий было столкновение личного (любви, прежде всего) и долга перед государством, который всегда брал верх. Очень характерно в античной литературе прослеживается переход от варварства к цивилизации. Так, если Гомер восхищается изобретательностью и хитростью Одиссея, то уже Гесиод приравнивает хитрость к коварству и даже подлости, больше всего воспевая не военные подвиги, а созидательный труд. «Труды и дни» — называется самая известная его, наряду с «Теогонией» («Происхождением богов») поэма.

И все же вершиной античного гуманизма, безусловно, была философия. Подобно тому, как римское право составляет и по сей день основу современных правовых систем цивилизованного мира, так и античная философия, поднятые ею проблемы и подходы к их решению на многие века задали направление и философии, и науке.

Само возникновение философии явилось результатом благодатной атмосферы античных полисов, демократическое устройство которых способствовало свободному обмену мнениями, обсуждению вопросов, которые высвечиваются «не глазами во лбу, а глазами ума» (Платон). Дух, которым проникнута античность, это дух творчества, упоения жизнью, восхищения прекрасным, уважения к личности и мысли. «Прекрасным маем, который цветёт лишь однажды, и никогда более», называл античность Гёте. Это была эпоха, когда люди смотрели на мир широко открытыми юношескими глазами, видя в нём много нового и интересного. Именно поэтому мудрый Сократ мог сказать: «Я знаю, что я ничего не знаю». Он же, однако, говорил своим ученикам: «Не только мои знания, но и мои незнания, значительно превосходят ваши» — имея в виду тот огромный круг новых вопросов, на которые он выходил на основе своих знаний.

Входя в число «семи свободных искусств» античности (арифметика, геометрия, астрономия, музыка, грамматика, риторика, диалектика) именно философия (диалектика) органично сводила их в единую картину мира.

Во многом античная философия и начиналась как философия природы (натурфилософия — более позднее понятие), последовательно проведя «от мифа к логосу» (т. е. закономерностям). Античные философы видели в природе *космос*, придавая этому понятию весьма глубокий смысл — совершенства, красоты, гармонии (кстати, отсюда и «косметика»). Античную натурфилософию в её поисках вела мысль о взаимосвязи «макрокосма» и «микрокосма» (человеческой души). Даже прогулкам на природе придавалось некое ритуальное значение — для «гармонизации сознания». Сделав изучение природы, в том числе природы человека, одной из важнейших своих задач, античные философы придавали ей не только познавательное, но и воспитательное значение. Неслучайно Пифагор, убежденный, что «Книга природы» написана на языке математики и веривший в своеобразную музыкальную гармонию мира, подчеркивал, что открывается она при условии не только знания математики, но и высоких нравственных качеств. Так, обнаружив мнимые числа и заподозрив в них «природу иного», пифагорейцы решили до поры скрыть это — так в XX веке скрывали открытия в области ядерной физики.

Сам Пифагор был в равной мере философом, математиком, теоретиком музыки. До нас дошла история о том, как игрой на флейте (подобрав мелодию, «изгоняющую желчь») Пифагор остановил ревнивца, замышлявшего убийство. А ещё Пифагор был чемпионом Олимпийских игр по кулачному бою — ярчайший пример сочетания интеллектуального, морального и физического совершенства. Известно и то, что на времена олимпиад в Древней Греции прекращались любые военные действия — чего не удается добиться 2000 лет спустя.

Античные философы разрабатывали учения о государстве, целый ряд образовательных систем. Сократ разработал искусство *майевтики*, родовспоможения мысли — в его диалогах последовательно поставленные вопросы позволяли собеседнику прийти к верному заключению. Платон был основателем знаменитой *Академии*, много веков просуществовал аристотелевский *Ликей*. Наряду с учениями *эвдемонизма* и *гедонизма*,

направленными на наслаждение жизнью, большое влияние имело учение *стоиков*, суть которого лучше всего выражает такое изречение Сенеки: «Покорного судьба ведет, а непокорного тащит». Прежде всего по этическим высказываниям известны семь мудрецов древности:

- «Мера важнее всего» — Клеобул говоривал Линдский.
 - «Познай самого себя» — проповедовал в Спарте Хилон (Познай самого себя, и ты познаешь весь мир» — уже позже Сократ).
 - «Сдерживай гнев» — увещевал *Периандр*, уроженец Коринфа.
 - «Лишку ни в чем» — поговорка была митиленца *Питтака*.
 - «Жизни конец наблюдай» — повторялось *Молоном Афинским*.
 - «Худших всегда большинство» — говорилось *Биантом Приенским*.
 - «Ни за кого не ручайся» — *Фалеса Милетского* слова
- Не удержимся от добавления заветов Пифагора: «Следуй за мертвыми» (имея в виду уважение к традициям), но он же: «Не ходи по тропе» (т. е. ищи новые пути).

Вопросы и задания

1. В чем состоял гуманизм античной философии?
2. Античная «пайдея» как формирование гуманистической личности.
3. Как взаимосвязаны понятия *humanitas* и *cultura*, образованность и человечность (по Цицерону)?
4. В чём гуманистический смысл философского отношения к жизни?
5. Какой вклад в картину мира внесли античные философы?
6. В чём гуманизм мифологии и искусства античности?

Глава 2. Гуманитарная картина мира в культурах Древнего Востока

Прежде всего высокая нравственность ставилась целью образования в *Kитае*, еще одной колыбели цивилизации. В основе китайской культурной традиции лежат философские учения

Лао-Цзы (даосизм) и *Конфуция*, возникшие примерно в то же время, что древнегреческая философия и буддизм. Даосизм и во многом продолжающее его конфуцианство исходят прежде всего из принципа природосообразности всех человеческих действий. Связь с природой считалась столь тесной, что смуты в Поднебесной непременно должны были повлечь за собой стихийные бедствия — землетрясения, наводнения, пожары. Самое удивительное, что в нашем неспокойном сегодняшнем мире природные катаклизмы порой происходят там, где им вроде не положено случаться — если эти регионы охвачены массовыми волнениями людей. Надо сказать, что на долю китайцев выпало немало природных испытаний — помимо разрушительных землетрясений и наводнений это ещё и внезапный сдвиг русла своенравной и великой реки Хуанхэ на сотни километров — ещё во время «борющихся царств». Пришлось заняться мелиорацией, усовершенствовать сельскохозяйственные орудия. Правда, древняя китайская традиция предписывала воздерживаться от вмешательства в природу — так, мифический герой Гунь, строивший запруды во время сильных разливов рек, был наказан «Владыкой неба»: реки должны течь, как предписано природой. Известна притча о незадачливом садовнике, который, желая ускорить всходы, понемножку тянул за стебель посаженные им растения — пока не вытянул из земли.

Лао-Цзы подчеркивал: «Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное», и поэтому нормой жизни должно быть У-вэй (недействие, невмешательство). «Вещи, которые достигают своего предела, претерпевают превращения», — говорили древнекитайские мудрецы. При этом в безостановочных изменениях сохраняется прочная основа, стержень. Судя по всему, именно так современному Китаю удалось выбраться из навязанного ему «социализма» и за короткое время выдвинуться в число мировых лидеров.

В основу философии даосизма легло гармоничное соотношение *инь* и *ян*. Ян — сильное, активное, положительное, светлое, мужское начало, инь — слабое, пассивное, отрицательное, темное, женское начало. Мир движим их борьбой и взаимопревращениями, а «то, что приводит то к инь, то к ян — это Дао».

Понятие *дао* имеет несколько смыслов — это и путь, и закон. Иероглиф «дао» состоит из двух частей — «голова» и «идти»: соединяя мысль и путь. Дао — присутствующий во всем «великий закон» и «великий предел», из которого все исходит и все возвращается. «Люди следуют земле; земля — небу; небо — Дао, и только Дао следует сам себе (естественности) — гласит изречение из настольной книги китайцев «Дао дэ цзин», приписываемый Лао-цзы. Индивидуальное проявление Дао — *дэ*: в нем раскрывается нравственное совершенство личности, достигшей гармонии с миром, т. е. соответствия Дао. Характерно, что в восточной традиции, говоря, что дети выросли хорошими людьми, имеют в виду не положение в обществе, а «согласие с собой».

Человек не должен думать о славе, власти, покорении чего-то, тем более природы. Он должен чувствовать ее, вливаться в нее: «Дао выражает (вещи), *дэ* вскармливает (их), возвращает, совершенствует их, воспитывает зрелыми, ухаживает за ними, поддерживает их. Создавать и не присваивать, творить и не хвальиться; являясь старшими, не повелевать, вот что называется глубочайшим *дэ*».

Характерно, что император Поднебесной объявлялся сыном неба, но это означало не просто непомерное его возвеличивание, но и степень ответственности, возлагаемой на него. «Лучший правитель — тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа любить их и возвышать. Еще хуже те, которых народ боится, а хуже всех те, которых народ презирает. Кто вдумчив и сдержан в словах, успешно завершает дела, и народ говорит, что он следует естественности». «Я излагаю (веления Неба. — В. Т.), а не говорю», — постоянно подчеркивали Лао-Цзы и его последователь Кун-Фу-Цзы (551–479 гг. до н. э.), или Конфуций, в европейской транскрипции.

Живя в эпоху «воюющих царств», Кун-Фу-Цзы был чрезвычайно озабочен состоянием дел в стране: «В Поднебесной давно уже нет Дао. Небо использует учителя в качестве колокола». Причину упадка нравов Кун видел в отходе от традиций, пренебрежении стариной. Сам он проникся к ней глубочайшим благо-

говением еще с раннего детства, когда изучал древние наставления и обряды. Чтобы исправить нравы, надо начинать с себя. Конфуций дает образец благородного мужа, противопоставляя его «низкому человеку». Первый требователен к себе, второй — к другим... Первый живет в согласии с людьми, но не следует за ними, второй следует за другими, но не живет с ними в согласии. Первому легко усугубить, но трудно доставить ему радость, ибо он радуется лишь должному, второму трудно усугубить, но легко доставить радость»². По Конфуцию, «благородный муж думает о девяти (вещах): о том, чтобы видеть ясно, слышать четко, чтобы лицо его было приветливо, поступки — почтительны, речь — искренней, действия — осторожными, о необходимости спрашивать других, когда появляются сомнения, о необходимости помнить о последствиях своего гнева, о необходимости помнить о справедливости, когда есть возможность извлечь пользу».

Конфуций учил, что каждому человеку отведено строго определенное место в мире и обществе, структура которых вечна и неизменна: «Пусть отец будет отцом, сын сыном, государь — государем, сановник — сановником. Сын должен чтить отца, подчиненный — начальника». Вообще *культ старших* (по возрасту, званию), как живых, так и умерших является краеугольным камнем китайского этического кодекса. Вместе с тем философия Конфуция более активна, чем даосизм, и принцип недеяния, *у-вэй*, находит у него своеобразную интерпретацию, выраженную притчей о путнике, который без заметных усилий и без страха пересекал бурный поток. Когда Конфуций спросил, как это ему удается, тот якобы поведал ему три заповеди: «Не бойся вступить в поток. Вступив в поток, не бойся отдаваться ему. Отдавшись потоку, не забывай следить за его течением». Именно таким, по Конфуцию, должно быть отношение к потоку жизни.

Конфуций, в отличие от Лао-Цзы, считал, что философы должны не только давать советы и наставления, но и прямо участвовать в управлении государством. Отбор на те или иные

² Древнекитайская философия. Собр. текстов. В 2-х т. Т. 1. М., 1972. С. 170.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru